

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXV

№ 12

Декабрь, 1959 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Верно и неверно угаданные пути

Оружие пристреливают, потому что каждый пистолет, каждая винтовка имеет свою особенность боя, которую надо знать, для того чтобы попасть в цель.

Каждый инструмент, самый точный, нуждается в определении его особенности.

Критик определяет особенности писателя, указывает читателю, как положить маршрут писателя на карту мира.

Он рассматривает исследуемого им автора на историко-литературном фоне, оценивает в том новом, что художник умеет дать для нового познания действительности.

Статьи А. Роскина, переизданные сейчас издательством «Советский писатель», остаются чрезвычайно интересными. Рецензии на произведения Габриловича («Усеченная строка и усеченная действительность»), Паустовского («Путешествие из страны Грина»), Каверина — все это очень точные определения писательских маршрутов.

Эти статьи-рецензии написаны два десятка лет тому назад, но орбиты писателей определены правильно.

Мы видим, чего не хватало писателям, что сумели они превозмочь и чего превозмочь не смогли.

Дело не в том, чтобы только указать на недостатки писателя или с ним поспорить, дело в том, чтобы суметь всесторонне оценить его свойства — их пользу или вред, рассказать читателю, как прочесть книгу, какие поправки внести в чтение.

Такие статьи являются частью общего литературного дела. Книги создаются и отдельными писателями и всеми вместе — в общем процессе осознания жизни. Оознавая свой путь, мы как бы увыстриаем его.

Некоторые писатели сошли с пути, на котором они начинали. Евгений Габрилович писал свою раннюю прозу как будто бы одними существительными; он брал предме-

ты, сопоставляя их коротко и остро, объективно. Он рано установил свой почерк. К сожалению, мы не имеем новой прозы Евгения Габриловича. Писатель перешел в кино. Этот его путь был как бы предсказан монтажным характером выработанного им литературного стиля.

В кинематографии Евгений Габрилович сделал много и чаще всего работал хорошо. Но и сейчас Габриловичу не всегда удается найти взаимоотношение положений и перейти от показа эпизода к развернутому анализу человеческих отношений. Это заметил А. Роскин более двадцати лет тому назад в прозе писателя.

Паустовский видит мир; его пейзаж для нашего времени классичен. Паустовский прекрасный художник, но первичное прикосновение к живому миру — не через литературу — не всегда ему удается. Человек, который смог увидеть то, что не часто видели другие, — красоту обыденного русского пейзажа, — в творчестве нередко прибегает как бы к цитате, сопоставляет неожиданное с заведомо красивым и прежде описанным.

Между тем романтика возникла в свое время из стремления преодолеть тогдашние шаблоны писательского почерка и прикоснуться к тому миру, который прежде другими художниками не осязался.

Давняя статья Роскина, его указания на пути Грина и на пути Паустовского, ведущие к Кара-Бугазу, не потеряли и сейчас своего значения.

Когда-то Навои говорил своим ученикам, что если они хотят создавать цветы, то должны стать землею.

Золотая роза искусства, о которой писал не так давно Паустовский, создается не из случайно найденных крупинки чужого золота, а из претворения в землю всего того, что было жизненным, умерло и в искусстве воскресает переработанным и переосмысленным.

Можно рассказать о Бабеле, изображая его высоко поднятые плечи, короткое дыха-

А. Роскин. Статьи о литературе и театре. Антоша Чехонте. Редактор В. Иващенко. 438 стр. «Советский писатель». М. 1959.

ние и интерес к Молдаванке, но понять Бабеля можно, только зная, что он так же коротко дышал и среди бойцов Первой Конной, видя вокруг себя новую, никем еще не описанную жизнь,— именно это делало его тем писателем, который остался в истории литературы.

Прикосновение к миру, непосредственность видения — это то, что делает писателя, но подробности прикосновения нужно слить, генерализировать, как говорил Толстой.

Литературная жизнь старой Одессы в последней книге Паустовского показана живо, но спор Багрицкого, Кирсанова и других с Шенгели не был спором чудаков, хотя этот спор иногда и облакался в шуточные формы. Это был спор мировоззрений.

Передать это условно, изобразить поверхностную яркость — очень легко. Показать в этом суть искусства, движение времени — чрезвычайно трудно. Пренебречь этим различием — художественная ошибка.

Рецензия на сборник А. Роскина не может превратиться в попытку написать статьи обо всех людях, о которых он говорил.

Книга эта — о началах верно угаданных путей.

В этой книге — книге непрощедшей, показывающей, сколько мы потеряли со смертью ее автора,— есть чудесные вещи. Очень интересно начало биографии Чехова «Антоша Чехонте». Писать об этой биографии трудно потому, что она уже вросла в наши общие знания о Чехове, ее все прочли, она стала нашим общим достоянием, и наше сегодняшнее представление о Чехове неотделимо от работы А. Роскина. Но в некоторых частностях хочется возразить умершему, как живому,— именно потому, что книга не умерла.

Рассказывая о семье Чеховых, писатель, очевидно, во многом пошел от воспоминаний Александра Чехова. А. Роскин хорошо понял стиль отца Чехова. Павел Егорыч и люди, его окружавшие, говорили странным, высоким, неточным и выпендренным слогом. Его питала архаичная литература. Мир Павла Егорыча душен, груб, ограничен.

В родном доме Александр Чехов был неудачником с оскорбленным самолюбием, с тысячами попыток и ошибок, с любопытством к собственным неудачам, с любованием бедностью.

Все это превосходно изобразил Роскин.

Но из этой земли выросли цветы. Как же они выросли?

Почему Антон Чехов — гениальный писатель; почему Николай Чехов — крупный художник; почему Александр Чехов — одаренный литератор, а сын его Михаил — актер мирового значения?

Что же такое семья Чехова?

За внешней скорлупой, за видимостью, за кажимостью как будто реальной есть нечто иное. Если бы внешность предметов соответствовала их внутренней сущности, то наука не была бы нужна и не понадобилось бы искусство. Мы просто отбирали бы предметы, ставили их рядом, сталкивали бы их.

Но из монтажа искусство не получается.

Семья Павла Егорыча дана А. Роскиным слишком изолированно.

Между тем мир, окружавший Чехова, степь, через которую он ехал мальчиком, разговоры, которые он слышал, были разные, и искусство в окружении Чехова существовало не только в форме романтической мелодрамы. Такой рассказ Чехова, как «Лошадиная фамилия», очень легко, например, мог быть подсказан народным анекдотом, который мы знаем по афанасьевской записи: украинец вспоминает фамилию пана, знает, что это фамилия птичьей, перебирает десяток фамилий. Фамилия оказывается Вербицкий, потому что птицы сидят на вербах. Так же дана Чеховым и «лошадиная фамилия» — Овсов.

Мир мелкой прессы, в которой работал Чехов, тоже не должен быть изображен так сниженно. Чехов разговаривает со своими товарищами по перу, как с друзьями. Этих людей надо прочесть, потому что в какой-то мере они приняли участие в создании новой литературы, помогли Чехову преодолеть старые формы, которые уже не выражали нового содержания...

Но, повторяю, я говорю о частностях большой и интересной работы.

Рецензируемая книга хорошо составлена Н. А. Роскиной; предисловие В. В. Смирновой и И. И. Халтурина написано с очень большой заинтересованностью и с умением видеть писателя.

Книга — значительная, ее могут читать все как книгу сегодняшнюю, живую; десяти тысячный тираж для нее мал.

Читатель из этой книги узнает, как надо читать писателей, которых он любит. Писатель узнает, как превращать статью в точно построенное, продуманное произведение, которое способно пережить десятилетия.

В. ШКЛОВСКИЙ.